

Л. И. Ятина, А. Д. Бражник

СТИГМАТИЗАЦИЯ ИЛИ АДАПТАЦИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ЮМОРА (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7–9

Современный юмор пронизывает практически все сферы общественной жизни, включая те, что были ранее табуированы. Наиболее наглядно это проявляется в стигма-юморе, базирующемся на шутках, касающихся стигматизированных групп населения. Те темы, что ранее публично замалчивались, с переходом на новую стадию трансформации смешного через выявление комического, транслируют отношение к ним. Более того, подобный юмор также сам по себе является активным инструментом, реализующим адаптирующую или стигматизирующую функции и детерминирующим восприятие девиантных групп обществом. Весной 2016 г. было проведено эмпирическое исследование роли современного стигма-юмора на примере наиболее показательных областей (молодежного сериала и популярных спектаклей) и сделаны выводы, в каких ситуациях шутки, касающиеся стигматизированных групп населения, работают или не работают на социальную адаптацию. Библиогр. 14 назв. Ил. 1. Табл. 6.

Ключевые слова: юмор, комическое, трансформация юмора, стигма-юмор, стигматизация, адаптация, девиантная группа, стигматизированная группа.

L. I. Yatina, A. D. Brazhnik

STIGMATIZATION OR ADAPTATION: TRANSFORMATION OF CONTEMPORARY HUMOUR (RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Nowadays humour runs through practically all spheres of social life, including those that were previously tabooed. Most obviously it appears in stigma-humour, that is based on jokes, which concern stigmatized groups of people. Those topics that were previously publicly suppressed convey attitudes towards them with the transition to the new stage of transformation of the humouristic through the revealing of the comical. Moreover, such humour by itself is also an active tool, that releases adaptation or stigmatization function and determines the perception of deviant groups by society in the spring of 2016 the authors conducted empirical study on the role of modern stigma-humor based on the cases of youth TV series and popular performances. The key findings relate to the situations which jokes concerned stigmatized groups of people promote social adaptation, or vice versa. Refs 14. Fig. 1. Tables 6.

Keywords: humour, comical, transformation of humour, stigma-humour, stigmatization, adaptation, deviant group, stigmatized group.

Постановка проблемы

Мы живем в современную эпоху, когда юмор занимает заметное место практически во всех социальных сферах (политике, рекламе, моде, театре), и в том числе молодёжный юмор как наиболее прогрессивный, направляющий модные тенденции и течения. Важным является изучение его сущности и функций, которые он выполняет. Определив, какую — адаптационную или стигматизирующую функцию — реализует современный молодёжный юмор и в каком случае, мы сможем выявить положение различных групп девиантного поведения в обществе (по край-

ней мере российском). Это поможет составить представление о современных нормах, ценностях и установках, а главное — о состоянии современного социума.

Таким образом, основную проблему изучаемого явления можно поставить следующим образом: социальное включение и исключение посредством смешного как реализация запросов общества (в соответствии с его политикой по отношению к девиантному поведению и стигматизированным группам). Для этого необходимо не только выявить современные стигматизированные группы, но и обозначить нынешние тенденции и категории современного юмора. Только проработав два этих аспекта и соединив их, найдя их взаимосвязь, можно будет говорить о том, как трансформируется юмор и какие социальные функции он выполняет. Важно ответить на вопрос, увеличивает ли стигма-юмор социальное неравенство, и от каких общественных факторов это зависит. То есть является ли юмор, в центре внимания которого стигматизированные индивиды и группы, защитным и отграничивающим их от общества (несущим безразличие или злорадство) или же он — сочувствующий, профилактический и интегрирующий (стремящийся к видоизменению отношения людей к подобным слоям населения как к равным себе), и какие социальные факторы на это влияют.

Изучение природы смешного

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо рассмотреть феномен «смешного» в эволюционном развитии. Можно обозначить три основных направления, в рамках которых раскрывались *«Общие основания природы смеха»*. Первый подход мы обозначили как **«Теорию обязательных условий “смешного”»**. Его представителями являются Аристотель, Цицерон, Марк Фабий Квинтилиан, Томас Гоббс, Зигмунд Фрейд и другие. Позиции данных мыслителей, так или иначе, отражают основания природы смеха и сути смешного. Специфика данного подхода — изучение сущности смешного посредством выделения его обязательных условий: содержания юмора и формы его изложения (техники).

С каждой эпохой концепции приверженцев данного подхода трансформировались из одного общего основания, более четко конкретизировались, по-разному трактуя природу смеха. Так, Аристотель полагал, что смешное — «это нечто безобразное и уродливое, но без страдания» [1, с. 1070]. То есть в данном случае описывается в первую очередь такое необходимое условие, как содержание (предмет) смеха. Цицерон расширил данный перечень обязательных условий смешного, подчеркнув также роль формы изложения. [2, с. 240–243]. Этому же подхода придерживался и Марк Фабий Квинтилиан, рассматривая остроумие в связи с риторикой. По мнению Марка Фабия Квинтилиана, смеются не только над тем, что остроумно (техника приемов), но также и над глупостью, трусостью и невоздержанностью (содержанием) [3, с. 454].

Начиная с эпохи Возрождения и, позже, в эпоху Просвещения все большее внимание уделялось социальной стороне природы смеха. Так, Томас Гоббс говорил о двух обязательных условиях смешного, делая акцент на содержании: смех часто вызван не только остроумием, но и неудачами других (предмет шутки) [4, с. 547].

Вторым направлением изучения «смешного» является условно названный нами **«Психофизиологический подход к природе смеха»**. К представителям

данного подхода можно отнести Рене Декарта [5], Томаса Гоббса (его некоторые идеи) [4], Герберта Спенсера [6], Д. Гартли, И. Д. Щербака. Сущность данного подхода заключается в том, что смех (реакция на смешное) изучается с позиции его психических и физических интерпретаций и условий. Г. Спенсер во второй половине XIX в. обратил внимание на структуру ситуаций, вызывающих смех. Он склонялся к точке зрения Рене Декарта, подчеркивая, что смех вызван не только приятными чувствами. Существуют также такие его разновидности, как сардонический и истерический, которые, напротив, связаны с отрицательными переживаниями [6, с. 4]. Современная теория внешних раздражителей, разработанная в первую очередь Д. Гартли и И. Д. Щербаком, делает акцент на изучении сущности смеха с позиции внешних факторов, приводящих к его возникновению [7]. Согласно теории, любой смех всегда вызван раздражителями: болью и удовольствием, стыдом и честью, пороком и добродетелью, одним словом — «щекоткой» [7].

Можно сделать вывод, что смех как реакция на внешние раздражители имеет также и социальную природу (а не только психофизиологическую). В отличие от смеха, который имеет как психофизиологическую, так и социальную основу (реакция на разные виды раздражителей), юмор сугубо социален. Он появляется там, где речь идёт о совокупности приемов и техник, направленных людьми на других людей с целью вызвать реакцию — смех.

Последнее выделяемое нами направление, которое появилось в XX веке, можно условно назвать «**Социальный подход к природе смеха**». Яркий представитель этого направления — французский философ Анри Бергсон. Сущность его подхода к изучению юмора заключается в следующем: всё, что воспринимается как смешное, являет собой не что иное, как отсутствие гибкости в социуме, уязвимость. Смех, следуя данной логике, есть механизм контроля обществом тех его эксцентричных членов, которые по тем или иным причинам ему не подчиняются (не проявляют эту гибкость). Латентная функция юмора — общественный контроль, а предмет юмора всегда те, кто выражают неповиновение. К ним можно отнести, следуя этой логике, стигматизированных индивидов [8, с. 11–20].

Также этого подхода придерживается А. Н. Лук, переосмысливший ранее существовавшие идеи З. Фрейда [9]. Главная идея А. Н. Лука, позволяющая безошибочно отнести его к сторонникам «социального подхода к природе смеха» заключается в следующем. А. Н. Лук убежден, что составными элементами комического остроумия, без которых оно не вызовет смеха или улыбки, является не только форма (техника), но и её эмоционально-содержательное наполнение. Без эмоционального компонента комического эффекта не будет, если эмоциональное отношение к чему-либо стало иным и больше не волнует — и шутки про них или с ними связанные притупляются и тускнеют [10, с. 104]. То есть социальное, общественно актуальное содержание играет значительную роль в юморе.

Таким образом, смех имеет психофизиологическую и социальную природу, однако юмор появляется только во втором случае, когда люди действуют или указывают на внешние ситуации с осознанной ориентацией на других, обоснованной желанием вызвать смех.

Изучение социальной сущности юмора не имеет отдельных проработанных подходов. Однако нельзя не упомянуть ключевую работу в области изучения юмо-

ра «Проблемы комизма и смеха» В. Я. Проппа [11]. Наиболее важным моментом является, по нашему мнению, трактовка комизма. На наш взгляд, комизм — это конкретная ситуация, выражающаяся во внешних особенностях условий (фона) или в особом состоянии/статусе индивида, объекта смеха. Юмор соотносится с комизмом таким образом, что первое является приемом передачи комического другим людям с целью вызвать реакцию — смех. Следовательно, юмор — исключительно социальный феномен, тогда как комизм изначально безличен и становится юмором только в осознанной обработке/подаче человеком/людьми.

Опираясь на вышеизложенный анализ, мы сделали следующий вывод о соотношении смеха, юмора, комизма и остроумия. Комическое пассивное — это общее свойство окружающего мира, макроуровень. В свою очередь, существует комизм пассивный и активный (имеющий внутренний и внешний уровни). Комизм пассивный — это конкретное, ситуативное свойство объекта/явления/ситуации, микроуровень. Смех — реакция на активный комизм, начиная от слабой улыбки и заканчивая безудержным хохотом. Комизм активный (внутренний, индивидуальный уровень) — увиденное человеком посредством чувства комического комическое пассивное и трактованное им для себя как смешное/комическое (активное). Комизм активный (внешний) — увиденное посредством чувства комического комическое пассивное, трактованное для заметившего как смешное/комическое (активное), а также посредством наведения рамок (обращения внимания других людей на этот ситуативный элемент мира), передача этого ситуативного свойства объекта/явления/ситуации как смешного/комического (активного) другим. Таким образом, комизм заложен в сущности вещей, ситуаций и явлений, это смешной элемент во внешнем мире (в людях, животных, действиях, ситуациях, процессах).

Для того чтобы этот комизм локального мироустройства был замечен и назван смешным или комическим активным, необходимо наличие у смотрящего чувства комического. Остроумие — механизм, способность производить мыслительный процесс по созданию острот и шуток (по интеллектуальной передаче другим людям своего юмора; является мерой чувства юмора) на основе увиденного во внешнем мире и воспринятого комизма, выражающийся словесно, а также в форме поступков и действий. А сам юмор — подвид комизма активного внешнего, поданного человеком/людьми с помощью наведения рамки посредством остроумия другим людям, которые смогут воспринять это как смешное только при наличии у них чувства юмора.

Социальная трансформация юмора

Французский социолог Жиль Липовецки в контексте своей теории современного постмодернистского общества уделил внимание феномену юмора как одному из составляющих текущего положения культуры, наряду с такими влияющими друг на друга социально-психологическими явлениями, как нарциссизм, жестокость, безразличие и другие. Автор книги «Эра пустоты» убежден в том, что нынешнее общество забавно и иронично по своей сути, ведь, основанное на информации, поощрении потребностей людей, культе секса, оно пронизано юмором [12, с. 9]. Комическое в наши дни имеет большое значение, вовлекая в свой круг практически

все сферы человеческой жизни, — политику, рекламу, моду и даже психотерапевтические практики [12, с. 13].

Липовецки пишет о феномене «юмористического общества», обнаруживая тягу к забавному во всем: как в публикациях, мультфильмах, так и в лозунгах на демонстрациях. Это новое, юмористическое отношение к происходящему выражается у людей в подмене академического стиля энергичным, формирующимся за счет шутильвых намеков и игры слов. Последствия постмодернизма, такие как неверие и неонигилизм, больше не воспринимаются с ужасом, а напротив — с юмором [12, с. 200–201]. Социолог говорит о современной эпохе юмора, для которой характерен новый стиль — раскованный и необидный, не утверждающий и не отрицающий никаких ценностей. Скорее, это всеобщий императив, порождающий спокойствие в обыденной жизни [12, с. 202]. Жиль Липовецки рассматривает комическое более подробно, выделяя стадии его развития. В данной работе мы обозначили их как «гротескный реализм», «критический комизм» и «развлекательный комизм».

«Гротескный реализм» как стадия комического свойственна народной культуре средних веков. Связанный с праздниками, карнавалами и развлечениями того времени, «гротескный реализм» основан на «принципе снижения возвышенного, властного, священного с помощью гипертрофированных изображений вещей и человеческого тела» [12, с. 203]. По сути, юмор заключался в непристойностях, гротескных подражаниях религиозным обрядам, в пародировании торжеств и в шутовстве. Карнавалы переворачивали все нормы и ценности с ног на голову.

«Критический комизм» возникает в эпоху классицизма, когда появляются новые жанры литературы, далекие от традиций гротеска: юмористический, сатирический и развлекательный. С этого времени смех, массово очищенный от грубого веселья и преувеличенного шутовства, переопределяется в чистую иронию, касающуюся характерных нравов и личностей. Комическое становится критичным, более того, комическое, отделяясь от прошлой связи с карнавалами, перестает быть публичным и коллективным, становясь субъективным удовольствием и забавой [12, с. 204].

Сущность «развлекательного комизма» на современной стадии, согласно Липовецки, заключена в следующем: «манипулирование дисциплинированным индивидом сменяется одухотворением — опошлением комического» [12, с. 205]. Заканчивается эпоха сатиры с её злым смехом, смех утрачивает саркастичность, становясь в первую очередь развлекательным. Новая стадия юмора больше не носит отрицательного характера. Вместо осуждения общества в форме насмешки, основанного на признанных ценностях, юмор становится положительным и непринужденным. Единственный смысл современного юмора — личностное удовольствие, забава [12, с. 206].

По сути, французский социолог выделяет в современном юморе два типа юмора: непринужденный (дружеский) и андеграундный. Первый тип характеризует несерьезным отношением к своей личности, враждебностью или равнодушием к происходящему вокруг, прикрытыми спокойными, нейтральными шутками. Второй тип — жёсткий, развязный, но не пошлый [12, с. 208–209]. В целом Жиль Липовецки видит в современном юморе, в отличие от иронии, дружелюбное отношение, выраженное в форме симпатии и сочувствия (хотя и кажущегося), к лицу, над которым шутят [12, с. 231–232].

Рис. 1. Стадии трансформации юмора в рамках реализации стигматизации или адаптации

Если рассмотреть выделенные Жилем Липовецки стадии трансформации юмора с точки зрения включения или исключения с его помощью стигматизированных групп населения, то можно представить роль юмора в обществах модерна и постмодерна (рис. 1).

На втором этапе «Критического комизма», свойственного обществу модерна, юмор транслирует социальные ценности. Тем самым он выражает публичное неодобрение неприемлемым девиантным типам поведения и поддерживает тактикой избегания стигматизированные группы, которые массово вызывают скорее сочувствие и жалость, нежели агрессию и осуждение. В эпоху модерна отрицательный характер юмора в форме сарказма и иронии стигматизирует девиантные слои населения, критикует и высмеивает их, замалчивая нежелательные темы (о тех группах, которые являются публично желательными для адаптации).

Если говорить о третьем этапе «развлекательного комизма», свойственного обществу постмодерна, то в целом юмор является адаптирующим, так как не несет в себе критику или осуждение, а является выражением нового мировоззрения, в основе которого толерантное отношение к другим и несерьезность, за которыми может скрываться равнодушие или даже презрение. Такой юмор бывает андеграундным и дружеским. Второй тип — публично играет адаптационную роль, так как не является ни саркастическим, ни грубым, а есть лишь шутовское проявление вежливости. Андеграундный юмор, напротив, жестоко высмеивает, поэтому он выполняет стигматизирующую функцию в отношении определенных групп населения. Эпохе постмодерна свойственна двоякость, неоднозначность стигма-юмора, напрямую зависящая от его типа. В целом же для «развлекательного комизма» современного общества, в котором мы сейчас живем и шутим, характерна адаптация стигматизированных индивидов и групп, по крайней мере внешняя.

Юмор как адаптация или стигматизация?

И. Гофман выделил понятие «зримость» — возможность восприятия стигматизированных людей, их заметность. Он подчеркнул, что во многом «зримость» определяется самой аудиторией и её способностью к декодированию, так как не любая стигма бросается в глаза непросвещенному зрителю [13, с. 24–35].

Стоит подчеркнуть, что И. Гофман отразил возможные варианты ответа на наш вопрос: выполняет ли юмор функцию стигматизации или же он реализует функцию адаптации? По сути, любое подчеркивание посредством юмора, делание «зримым» стигму человека или группы людей — это уже стигматизация. Однако шагом на пути к адаптации, следуя логике американского социолога, будет такая подача информации о стигматизированных людях через юмор, которая задела бы воспринимающих его людей и сделала из них благодаря рутинизации, просвещению «понимающих», симпатизирующих.

Выборка, гипотеза и методология эмпирического исследования

Основываясь на идее Ж. Липовецки о существовании двух типов современного юмора (андеграундном и дружеском), которые, в свою очередь, играют адаптирующую или стигматизирующую роль по отношению к стигматизированным группам населения, мы разработали методологию исследования роли стигма-юмора в молодежной среде. В связи с этим исследовательскими вопросами были: *детерминирует ли тип юмора реализацию той или иной роли (стигматизирует или адаптирует) по отношению к стигматизированным/девиантным группам? А также определяет ли изначальное отношение к стигматизированной/девиантной группе реакцию на стигма-юмор?*

Эмпирическое исследование состояло из двух этапов, основанных на конкретных примерах юмора. Методом первого этапа являлось анкетирование молодёжи, смотрящей мультсериал «SouthPark» (участников группы «SouthPark» в социальной сети «ВКонтакте»). Анкета была выложена в группу «Жители Саус Парка» социальной сети «ВКонтакте» 15 апреля в 13.01 час. и была открыта до 23.59 час. 20 апреля, объем выборки — 800 респондентов. Метод второго этапа исследования — интервью со зрителями «Небольшого драматического театра Льва Эренбурга» («НДТ») с применением коротких (не более минуты) видеофрагментов со стигма-юмором из спектаклей данного театра. Всего проведено 13 интервью. Необходимое условие отбора информантов: просмотр не менее двух спектаклей НДТ из четырех, в которых наиболее ярко представлен стигма-юмор: «Ю», «В Мадрид, в Мадрид!», «Валентинов день», «Оркестр». Исследование проводилось с 15 по 20 апреля 2016 г. и составило 6 дней (анкетирование) и 4 дня (интервьюирование). Серия выходов в поле для интервьюирования была совершена с 15 по 20 апреля до начала, в антракте и после спектаклей.

Генеральная совокупность: петербургская молодёжь от 14 до 30 лет, выборочная совокупность: зрители «Небольшого драматического театра Льва Эренбурга»; зрители мультсериала «SouthPark». Кластерная выборка простая, случайная, кластер — спектакль НДТ и группа «SouthPark» в социальной сети «ВКонтакте».

Выбранные нами для анализа спектакли «Небольшого драматического театра Льва Эренбурга» и мультсериал «SouthPark» основаны именно на разновидности юмора — стигма-юморе, это основной элемент, лежащий в основе их оригинальности, визитная карточка постановок и серий. Стоит выделить стигматизированные группы, которых содержательно касается юмор четырех рассмотренных спектаклей «Небольшого драматического театра Льва Эренбурга». Это люди с алкогольной зависимостью; с косоглазием и другими нарушениями зрения; с мужской или женской гомосексуальностью/бисексуальностью; с нарушениями речи (заикание и др.); с телесными повреждениями/нарушениями (парализованные и др.); а также совершавшие попытки суицида.

Стигматизированные группы, которых содержательно касается юмор мультсериала «SouthPark», выделены нами в более общем виде, и почти все они представляют социальные девиации [14]. Среди них: зависимые люди (наркомания, алкоголизм и т. д.), представители ЛГБТ, люди с физическими отклонениями (инвалидность и т. д.), люди с психическими отклонениями, люди с сексуальными отклонениями, девиантные субкультуры (хиппи, готы, байкеры и т. д.), а также люди с особенностями внешности (полнота, болезненная худоба и т. д.).

Все рассмотренные шутки и намеренно спроецированные комические ситуации чаще всего имеют стигматизированных людей в качестве основного участника действия (как объект насмешки, как сам создатель — намеренный или нет — юмора), а также в ряде случаев имеют содержательную отсылку к таким людям в условиях их физического отсутствия. Стигма-юмор мультсериала «SouthPark» в основном носит словесный характер (остроумие), однако порой принимает и мимическую, пародийную форму, носящую визуальный образ.

Стигма-юмор четырех изученных спектаклей «Небольшого драматического театра Льва Эренбурга» ошествлен, визуализирован, основан на гротеске поз, жестов, действий, реакций. Словесная форма подачи юмора вторична, она лишь подкрепляет содержание, указывая на комичность разыгранной актерами ситуации.

Стигма-юмор в спектаклях НДТ: результаты интервьюирования зрителей

Первая часть вопросов интервью касалась буквального и эмоционального отношения интервьюируемого к выделенным в видеофрагментах стигматизированным группам, вторая — непосредственно просмотренной видеозаписи и реакции на неё и девиантного персонажа. Третья часть содержала вопросы, касающиеся реализуемых или нереализуемых элементов стигматизации (адаптации как обратного) конкретных стигматизированных групп, отраженных в спектакле. Интервью предполагало короткие односложные и развернутые ответы, отражающие эмоциональное отношение и иллюстрирующие социальную установку в отношении стигматизированных групп, из которых можно сделать вывод о стигматизирующей или адаптирующей роли юмора, представленного в спектаклях НДТ. Анализ полученных данных осуществлялся с помощью составления сводных таблиц и выявления общих тенденций в восприятии тех или иных девиантных групп и стигма-персонажей, а также наиболее характерных для зрителей взглядов на роль стигма-юмора в социальной адаптации подобных людей. Также были тщательно изучены

отдельные высказывания и трактовки смешных сцен, основанных на интересующем нас типе юмора. Ниже приведены лишь наиболее наглядные общие сводные данные и выводы.

Итак, большинство (8 человек из 13) считает, что стигматизированные персонажи с алкогольной зависимостью — такие же люди, как все, причем положительные эмоции по отношению к ним возникли у семи человек во время самой шутки и у восьми человек на спектакле (из 13). Среди тех, у кого персонаж вызвал положительные эмоции, практически все (семь человек из восьми) посчитали фрагмент смешным. Причем их изначальное отношение к данной стигме — дружелюбное (только у двух респондентов к людям с алкогольной зависимостью неприятие). Среди тех, кому шутка была смешна, семь респондентов из девяти отнеслись бы к такому персонажу при встрече дружелюбно.

У всех, кому шутка показалась несмешной, персонаж вызвал неприятие или даже отторжение (4 человека из 13). При этом данные респонденты относятся к людям с алкогольной зависимостью негативно, и три из четырех человек отнеслись бы также с неприятием к такому персонажу при встрече.

Большинство (8 человек из 13) считает, что стигматизированные персонажи с косоглазием и другими нарушениями зрения — не такие же, как все, они другие, при этом положительные эмоции по отношению к такому человеку возникли у девяти интервьюируемых в спектакле «Оркестр» (из 13). Среди тех, у кого персонаж вызвал положительные эмоции, практически все (шесть человек из девяти) посчитали фрагмент смешным. Причем их изначальное отношение к данной стигме — дружелюбное. Среди тех, кому шутка была смешна, большинство (9 из 10) отнеслось бы к такому персонажу при встрече дружелюбно.

У всех, кому шутка показалась несмешной, персонаж вызвал дружелюбные эмоции (два из трех человек) или равнодушие (один из трех). При этом все респонденты, которым этот фрагмент не показался смешным, относятся к людям с косоглазием и другими нарушениями зрения дружелюбно (два из трех человек) или контакт с такими людьми вызывает у респондентов чувство дискомфорта (один из трех), однако все они (три из трех человек) отнеслись бы к такому персонажу при встрече дружелюбно.

Значительная часть опрошенных (6 человек из 13) считает, что стигматизированные персонажи с мужской или женской гомосексуальностью или бисексуальностью — не такие же, как все, они другие, при этом положительные эмоции по отношению к ним возникли у 11 интервьюируемых во время самой шутки и в самом спектакле «Оркестр» (из 13). Среди тех, у кого персонаж вызвал положительные эмоции, практически все (10 человек из 11) посчитали фрагмент смешным. Причем их изначальное отношение к данной стигме — дружелюбное. Наиболее яркий ответ (м., 21 год): *«Это мило, реакция на “возьмем ребенка” смешна, так как мужчины создают семью, и это для них норма»*.

Те, кому шутка показалась несмешной, относятся к представителям ЛГБТ в большинстве своем негативно (или латентно негативно), или дружелюбно, но с жалостью. Так, один из зрителей, мужчина 23 лет, ответил: *«Не вижу совместную жизнь двух мужчин смешной»*. Из-за этой жалости (которая, по И. Гофману, также является составляющей стигматизации) шутка и не показалась смешной, скорее грустной, так как демонстрирует неспособность таких людей создавать «нормальные» семьи.

Значительная часть опрошенных (6 человек из 13) считает, что стигматизированные персонажи с заиканием или другими нарушениям речи — такие же, как все, при этом положительные эмоции по отношению к ним возникли у 10 интервьюируемых во время самой шутки и на спектакле «В Мадрид, в Мадрид» (из 13). Среди тех, у кого персонаж вызвал положительные эмоции, чуть больше половины опрошенных (6 человек из 10) посчитали фрагмент смешным. Причем их изначальное отношение к данной стигме — дружелюбное. Однако пяти людям, несмотря на симпатию к персонажу с заиканием, было не смешно. Это связано с тем, что часть из них (два из пяти), не смотрели этот спектакль или уже не помнят контекст шутки, а остальные (три из пяти) восприняли это как насмешку, издевательство над персонажем и не смеются, так как им его жалко, то есть увидели в этом юморе стигматизацию. Среди тех, кому шутка была смешна, все (шесть из шести) отнеслись бы к такому персонажу при встрече дружелюбно. При этом стоит отметить, что один интервьюируемый негативно относится к таким людям, и в его случае смех — злой, а данный стигма-юмор — стигматизирующий. То есть в целом для четырех опрошенных из 13 этот фрагмент спектакля «В Мадрид, в Мадрид» выполняет стигматизирующую роль.

Среди тех, кому шутка показалась несмешной, персонаж вызвал дружелюбные эмоции у всех опрошенных. При этом интервьюируемые, которым было не смешно, относятся к людям с заиканием и другими нарушениями речи в большинстве своем дружелюбно.

Значительная часть опрошенных (10 человек из 13) считает, что стигматизированные персонажи с телесными повреждениями (парализованные и т. д.) — не такие, как все, другие. При этом положительные эмоции по отношению к таким людям возникли у 10 интервьюируемых во время показанной стигма-шутки из спектакля «В Мадрид, в Мадрид» (из 13). Среди тех, у кого персонаж вызвал положительные эмоции, все (10 человек из 10) посчитали фрагмент смешным. Причем их изначальное отношение к данной стигме — дружелюбное. Несколько наиболее ярких ответов на вопрос, почему шутка показалась смешной: *«Именно из-за ситуации, а не инвалидности, и из-за силы персонажа, его приятия этого факта — факта инвалидности»* (м., 27 лет), *«Да, получается насмешка понимающего человека, между своими, и зритель проникает в это. Шутка не злая. У них в принципе не особенно злые шутки. Они могут быть агрессивными, но они не злые»* (ж., 20 лет), *«Сама ситуация, отношения между персонажами, сила парализованной женщины, ее способность смеяться над собой»* (ж., 25 лет). Однако несколько интервьюируемых также указали, что их смех — нервный, а сама шутка — злая, это смех над персонажем и его изъяном, но эту ситуацию сглаживает и не дает ей стать стигматизирующей тот факт, что персонаж разрешает смеяться и сам смеется, ему это не обидно.

Часть опрошенных (в количестве от 3 до 4 из 11 человек, в зависимости от спектакля и стигмы) сказали, что задумались после просмотра спектакля о переносимости стигматизированных группах, остальные отметили, что их отношение не изменилось. Практически все (11 из 13) считают, что спектакли «Небольшого драматического театра Льва Эренбурга» способствуют адаптации данных людей в обществе, а стигма-юмор — то, что помогает восприятию таких тяжелых тем зрителями. Остальные респонденты (2 человека из 13) считают, что спектакли не реа-

лизуют ни адаптацию, ни стигматизирующую функцию, так как спектакли слишком гротескны.

Большинство опрошенных (8 человек из 13) считают, что стигматизированные персонажи, принадлежащие к категории людей, совершавших попытки суицида, — не такие, как все, а другие, при этом положительные эмоции по отношению к таким людям возникли у восьми интервьюируемых во время самой шутки и в самом спектакле «Ю» (из 13). Среди тех, у кого персонаж вызвал положительные эмоции, все опрошенные (восемь человек из восьми) посчитали фрагмент смешным. При этом их изначальное отношение в большинстве своем к данной стигме — дружелюбное, лишь один человек, которому было смешно и у которого персонаж вызвал дружелюбные эмоции, изначально к таким людям относится с непониманием и осуждением, но, по его словам, неприятия в этом чувстве нет. Этот случай ещё раз подтверждает адаптивную роль стигма-юмора, благодаря которому заведомо эмоциональное отношение, по крайней мере на время, уступает место дружелюбному отношению к стигма-образу. Среди тех, кому шутка была смешна, значительная часть (7 из 13) отнеслась бы к такому персонажу при встрече дружелюбно. При этом стоит отметить, что четверо интервьюируемых, которым было смешно в этом фрагменте, негативно относятся к таким людям, и в их случае смех — злой, а данный стигма-юмор — стигматизирующий. Ещё двое опрошенных испытывают смешанные чувства. То есть в целом как минимум для четырех опрошенных из 13 этот фрагмент спектакля «Ю» выполняет стигматизирующую роль.

Часть опрошенных (3 из 11 человек) сказали, что задумались после просмотра спектакля (количество варьируется от трех до четырех человек в зависимости от стигматизированной группы, показанной в спектакле) о перечисленных стигматизированных группах, остальные отметили, что их отношение не изменилось. Большинство (9 из 13) считает, что спектакли «Небольшого драматического театра Льва Эренбурга» помогают стигматизированным людям в адаптации, тогда как сам стигма-юмор способствует восприятию зрителями таких тяжелых тем. Наиболее показательные высказывания зрителей: *«Да. К ним бы стали относиться как-то проще. То есть как ко всем остальным. Иногда даже не замечать. Ведь это иногда положительная эмоция?»* (ж., 23 года), *«И в принципе мне кажется, это хорошая тенденция — показывать людей с различными недостатками. Специально, чтобы, ну, как срез общества. Чтобы люди через просмотр спектаклей, сидя в зале, стали привыкать к таким людям и в обычной жизни, не шарахались от калек, от косоглазых, от заик, от алкоголиков»* (м., 25 лет). Остальные респонденты (4 человека из 13) считают, что спектакли не способствуют адаптации, не реализуют стигматизирующую функцию, так как любые спектакли с любым юмором не способны настолько влиять на повседневную жизнь людей. Также часть интервьюируемых полагают, что адаптации не происходит именно из-за специфики данных спектаклей: способ (юмор в том числе) слишком абстрактен, чтобы способствовать выражению каких бы то ни было жизненных ситуаций.

Анализ результатов интервью показал, что адаптация через стигма-юмор как способ представления тематики и проблем стигматизированных групп населения зрителю имеет место в спектаклях «Небольшого драматического театра Льва Эренбурга» в случае выполнения трёх условий. Во-первых, если зритель посмотрел весь

спектакль (а не фрагмент) и понимает как специфику приемов театра, так и общие отношения персонажей друг с другом и их жизненные истории (в случае, если просмотрен только фрагмент со стигма-юмором велика вероятность обратного — стигматизации). Во-вторых, при условии, что человек изначально дружелюбно относится к показываемым стигматизированным группам или в некоторых случаях испытывает дискомфорт (в случае враждебного отношения адаптация отторгается (её не происходит), а стигматизация вероятна, но не обязательна — человек смеется на тех же стигма-шутках, но вкладывает в них обратное значение). В-третьих, индивидуальные (личностные) особенности зрителя позволяют ему интерпретировать гротескную подачу режиссера и применять её к повседневной реальности (задуматься о положении стигматизированных людей и их проблемах — первый этап адаптации).

Роль юмора мультсериала «SouthPark» в адаптации стигматизированных групп

Из приведенных ниже таблиц (табл. 1–6) можно сделать выводы об адаптационной и стигматизирующей функции юмора обозначенного выше молодежного сериала.

Ключевые выводы исследования. Во-первых, отношение к стигматизированной группе определяет реакцию на юмор (смешно/не смешно) лишь в том случае, если изначальное отношение — враждебное, и то, это не обязательно, так как люди субъективно интерпретируют подачу шуток. Скорее, реакция на юмор зависит от его техники, формы подачи. Во-вторых, тип юмора не определяет то, стигматизирующую или адаптирующую роль он играет. Так, и «Небольшой драматический театр Льва Эренбурга», и «SouthPark» массово адаптируют стигматизированные группы самым фактом упоминания о них (просветительская функция) при условии изначального дружелюбного эмоционального отношения к данным группам или же чувства дискомфорта и других неприятных эмоций в отношении к ним (реже) со стороны зрителей. В большинстве случаев враждебного отношения, в значительной доле случаев дискомфорта (и других неприятных эмоций), а также в случае дружелюбного отношения (в сочетании с личностными особенностями: особая восприимчивость, моральные установки и др.) те же шутки могут реализовывать стигматизирующую роль. Тогда молодёжь будет считывать обратный контекст и зло смеяться или чувствовать обиду за персонажа. Так как имеется ряд стигм, наименее принятых среди петербургской молодёжи: сексуальные отклонения, опыт попыток самоубийства, мужской или женский гомосексуализм (бисексуализм), то вероятность стигматизации при условии андеграундного или даже дружелюбного типа стигма-юмора велика. Этого нельзя сказать о других стигматизированных категориях людей, в отношении которых можно ожидать адаптивную роль стигма-юмора.

Таким образом, стигма-юмор массово выполняет адаптивную роль, вне зависимости от типа юмора (андеграундный или дружеский). Исключения (стигматизация) имеют место лишь в частных случаях индивидуального восприятия подачи, в большинстве случаев враждебного отношения (чаще имеет место в отношении таких стигматизированных категорий, как люди с сексуальными отклонениями,

Таблица 1. Отношение к выделенным стигматизированным группам зрителей мультсериала «SouthPark»

Группа Отношение к ней респондентов (%)	Враждебное	С опаской, с чувством дискомфорта и другими неприятными эмоциями	Скорее дружелюбное	С большой эмпатией	Дружелюбно- воспринимаю- щий	Болезненно воспринимаю- щий
Зависимые люди (наркомания, алкоголизм)	11,6	54,1	12,5	3,0	11,3	7,5
Представители ЛГБТ	15,1	27,0	34,0	7,5	14,4	2,0
Люди с физическими отклонениями (инвалидность и т.д.)	1,0	11,0	50,0	18,4	14,4	5,4
Люди с психическими отклонениями	4,8	50	21,8	10,1	8,1	4,8
Люди с сексуальными отклонениями (зоофилия, педофилия и т.д.)	57,4	31,8	6,0	2,8	1,6	0,5
Девiantные субкультуры (готы, хиппи, байкеры и т.п.)	6,6	14,5	43,8	12,5	19,8	2,9
Люди с особенностями внешности (полнота, болезненная худоба и т.д.)	3,8	10,8	48,4	11,6	19,8	5,8

Таблица 2. Оценка респондентами шуток, касающихся стигматизированных групп

Группа / Отношение респондентов к шутке (%)	Смешно	Не смешно	Не видел(а) серии, посвященной данной группе
Зависимые люди (наркомания, алкоголизм и т. д.)	89,0	6,0	5,0
Представители ЛГБТ	93,0	4,0	3,0
Люди с физическими отклонениями (инвалидность и т. д.)	77,0	22,0	1,0
Люди с психическими отклонениями	82,0	11,0	8,0
Люди с сексуальными отклонениями (зоофилия, педофилия и т. д.)	84,0	11,0	5,0
Девиантные субкультуры (готы, хиппи, байкеры и т. п.)	97,0	2,0	1,0
Люди с особенностями внешности (полнота, болезненная худоба и т. д.)	94,0	44,0	1,0

Таблица 3. Эмоции, которые вызвали у респондентов персонажи мультсериала, имеющие отношение к выделенным стигматизированным группам

Группа / Отношение респондентов к персонажам сериала (%)	Отторжение и другие неприятные/негативные эмоции	Было жалко их (обидно за них)	Эмпатия	Дружелюбные эмоции	Не видел(а) серии, посвященной данной группе
Зависимые люди (наркомания, алкоголизм и т. д.)	13,5	27,9	12,8	40,9	5,0
Представители ЛГБТ	22,3	11,3	13,4	49,5	3,3
Люди с физическими отклонениями (инвалидность и т. д.)	2,6	28,5	17,1	51,3	0,5
Люди с психическими отклонениями	10,6	25,1	17,4	40,0	6,9
Люди с сексуальными отклонениями (зоофилия, педофилия и т. д.)	48,5	7,9	11,1	27,5	5,0
Девиантные субкультуры (готы, хиппи, байкеры и т. п.)	11,9	7,4	16,3	63,6	0,8
Люди с особенностями внешности (полнота, болезненная худоба и т. д.)	12,3	19,8	17,4	49,6	1,0

Таблица 4. Сложилось ли у респондентов какое-то новое отношение к стигматизированным группам, представленным в мультсериале

Группа \ Новое отношение к стигматизированным группам в сериале (%)	Нет	Да
Зависимые люди (наркомания, алкоголизм и т.д.)	95,0	5,0
Представители ЛГБТ	92,0	8,0
Люди с физическими отклонениями (инвалидность и т.д.)	94,0	6,0
Люди с психическими отклонениями	96,0	4,0
Люди с сексуальными отклонениями (зоофилия, педофилия и т.д.)	96,0	4,0
Девиантные субкультуры (готы, хиппи, байкеры и т.п.)	91,0	9,0
Люди с особенностями внешности (полнота, болезненная худоба и т.д.)	95,0	5,0

Таблица 5. Потенциальное отношение респондентов к таким стигматизированным людям, как некоторые персонажи мультсериала «SouthPark»

Группа \ Отношение респондентов к стигматизированным (%)	С неприятием	Дружелюбно
Зависимые люди (наркомания, алкоголизм и т.д.)	64,0	36,0
Представители ЛГБТ	41,0	59,0
Люди с физическими отклонениями (инвалидность и т.д.)	71,0	91,0
Люди с психическими отклонениями	49,0	52,0
Люди с сексуальными отклонениями (зоофилия, педофилия и т.д.)	86,0	14,0
Девиантные субкультуры (хиппи, готы, байкеры и т.д.)	19,0	81,0
Люди с особенностями внешности (полнота, худоба и т.д.)	15,0	85,0

Таблица 6. Мнение респондентов о том, способствует ли мультсериал «SouthPark» изменению общественного положения перечисленных стигматизированных групп

Мнение	Да, они становятся более открытыми, видимыми, принимаемыми	Нет, ничего не меняется	Да, из-за подчеркивания их отличия они ещё больше дискриминируются	Они становятся видимыми и открытыми, но не принимаемыми	По-разному	Не знаю
Кол-во ответивших в %	47,0	38,0	12,0	1,0	1,0	1,0

совершавшие попытки суицида, а также представители ЛГБТ). И, кроме того, стигматизация имеет место в случае трансляции шуток вне контекста, что зачастую (по крайней мере в рассмотренных примерах) помогает в адаптации, выводя характеристики и социальные связи персонажей.

Литература

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 1391 с.
2. Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве: в 2 т. / пер. Ф. А. Петровского; коммент. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. Т. 2. 367 с. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423777002264> (дата обращения: 11.12.2015).
3. Квинтилиан М. Фабий. Двенадцать книг Риторических наставлений. Книга 6. / пер. с лат. Александр Никольский. СПб: типография Императорской Российской Академии, 1834. С. 410–483. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=13277528260-1> (дата обращения: 11.12.2015).
4. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 622 с. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000609/st001.shtml> (дата обращения: 12.12.2015).
5. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000538/st000.shtml> (дата обращения: 12.12.2015).
6. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские: в 3 т. Т. 2. Физиология смеха. URL: http://society.polbu.ru/spenser_experiencesii/ch14_i.html (дата обращения: 12.12.2015).
7. Гартли Д. Размышления о человеке, его строении, его долге и упованиях // Антология фрагментов классических текстов западноевропейской философии. URL: http://imp.rudn.ru/psychology/history_of_psychology/ch7_1.html (дата обращения: 12.12.2015).
8. Бергсон А. Смех. Сартр Ж.-П. Тошнота. Роман. Симон К. Дороги Фландрии. Роман. / пер. с фр., сост. О. Жданко; послесл. Н. Пахсарьян и Л. Андреева. М.: Панорама, 2000. 608 с.
9. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: Харвест, 2006. 480 с.
10. Лук А. Н. Юмор, остроумие, творчество. М.: Искусство, 1977. 183 с.
11. Пропт В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 2006. 256 с.
12. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 331 с.
13. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1, 2, гл. 3–6 / пер. М. С. Добряковой. URL: <https://docs.google.com/document/d/1CvpoXz3PJrd1ZZ7dSSaOqjhcjx5GHbqQVU7gDuXOW/edit?hl=ru&pli=1> (дата обращения: 15.12.2015).
14. Гишинский Я. И. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.

Для цитирования: Ятина Л. И., Бражник А. Д. Стигматизация или адаптация: трансформация современного юмора (результаты эмпирического исследования) // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. Вып. 4. С. 88–104. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.406

References

1. Aristoteli. *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Policy. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk, Literatura Publ., 1998. 1391 p. (In Russian)
2. Tsitseron M. T. *Tri traktata ob oratorskom iskusstve: v 2 t.* [Three treatises on oratory: in 2 vols]. Transl. by F. A. Petrovsky, compl. M. L. Gasparova. Moscow, Nauka Publ., 1972, vol. 2. 367 p. Available at: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423777002264> (accessed: 05.11.2016). (In Russian)
3. Kvintilian M. Fabii. *Dvenadtsat' knig Ritoricheskikh nastavlenii. Kniga 6* [Fabius. Twelve books of rhetorical instruction. Vol. 6]. Transl. from lat. by A. Nikolsky. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Rossiiskoi Akademii, 1834, pp. 410–483. Available at: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=13277528260-1> (accessed: 11.12.2015). (In Russian)
4. Gobbs T. *Sochineniia: v 2 t.* [Writings in 2 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1989, vol. 1. 622 p. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000609/st001.shtml> (accessed: 12.12.2015). (In Russian)
5. Dekart R. *Sochineniia: v 2 t.* [Writings in 2 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1989, vol. 1. 654 p. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000538/st000.shtml> (accessed: 12.12.2015). (In Russian)
6. Spenser G. *Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie: v 3 t. T. 2. Fiziologiiia smekha* [Experience in science, policy and philosophy: in 3 vols. Vol. 2. Physiology of laughter]. Available at: http://society.polbu.ru/spenser_experiencesii/ch14_i.html (accessed: 12.12.2015). (In Russian)
7. Gartli D. *Razmyshleniia o cheloveke, ego stroenii, ego dolge i upovaniiax* [Thinking about man, his structure, his duty and hopes]. *Antologiiia fragmentov klassicheskikh tekstov zapadnoevropeiskoi filosofii* [Anthology of fragments of classical texts of Western philosophy]. Available at: http://imp.rudn.ru/psychology/history_of_psychology/ch7_1.html (accessed: 12.12.2015). (In Russian)

8. Bergson A. *Smekh. Sartr Zh.-P. Toshnota. Roman. Simon K. Dorogi Flandrii. Roman* [Bergson H. *Laugh. Sartre J.-P. Nausea. Novel. Simon K. The roads of Flanders. Novel*]. Transl. from French, compl. by O. Zhdanko. Afterword N. Pakhsar'ian, L. Andreeva. Moscow, Panorama Publ., 2000. 608 p. (In Russian)
9. Freid Z. *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu* [Wittiness and it's attitude to unconscious]. Moscow, Harvest Publ., 2006. 480 p. (In Russian)
10. Luk A. N. *Iumor, ostroumie, tvorchestvo* [Humor, wittiness, creation]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977. 183 p. (In Russian)
11. Propp V. Ia. *Problemy komizma i smekha. Ritual'nyi smekh v fol'klore (po povodu skazki o Nesmeiane)* [Problems of comic and laugh. Ritual laughter in folklore (on the fairy tale about Nesmian)]. Moscow, Labirint Publ., 2006. 256 p. (In Russian)
12. Lipovetski Zh. *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [Void era. Essay on modern individualism]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2001. 331 p. (In Russian)
13. Gofman I. *Stigma: Zametki ob upravlenii isporchennoi identichnost'iu. Chapters 1, 2 (3–6)* [Notes on the Management of Spoiled Identity. Chapters 1, 2 (3–6)]. Transl. by M. Dobriakova. Available at: <https://docs.google.com/document/d/1CvpoXz3PJrd1ZZ7dSSaOqjhxcjx5GHbqQVlU7gDuXOW/edit?hl=ru&pli=1> (accessed: 15.12.2015).
14. Gilinskii Ia. I. *Deviantologiya: Sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh otklonenii* [Deviantology: Sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other abnormalities]. St. Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press, 2004. 520 p. (In Russian)

For citation: Yatina L. I., Brazhnik A. D. Stigmatization or adaptation: transformation of contemporary humour (results of sociological research). *Vestnik SPbSU. Series 12. Sociology*, 2016, issue 4, pp. 88–104.
DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.406

Статья поступила в редакцию 31 сентября 2016 г.;
принята в печать 17 октября 2016 г.

Контактная информация:

Ятина Людмила Ивановна — кандидат социологических наук, доцент; ludmila_yatina@mail.ru
Бразжник Анастасия Дмитриевна — студент; nastyabr95@mail.ru

Yatina Lyudmila I. — PhD, Associate Professor; ludmila_yatina@mail.ru
Brazhnik Anastasia D. — Student; nastyabr95@mail.ru